

Линь Сяоча внезапно закрыл один глаз и несколько раз хмыкнул.

"Что случилось?" спросил Шан Юань.

"Кажется, в моих глазах песок". Она продолжала осторожно потирать руки: "Ух, надеюсь, это не маленький жучок, который попал мне в глаза".

Сердце Шан Юаня дрогнуло, когда он посмотрел на девушку, потирающую глаза.

Прежняя У'эр, даже если бы ее серьезно ранили, вытерпела бы все сама, не сказав ни слова.

У'эр, которая в этой жизни вела себя как кокетка и проявляла слабость, становилась все милее и милее.

Он почувствовал зуд в сердце, и ему стало трудно сдерживаться. Его горло онемело: "Я помогу тебе дуть".

Линь Сяоча вся напряглась: "Это, это не очень хорошо". Корни ее ушей покраснели.

Но ее поза была очень послушной. Она положила руки на обе стороны, нервно сжимая кулаки: "Тогда, тогда ты подуй немного ах~ Я так боюсь~".

В это время сердце Шан Юаня словно кошка царапнула. Она желала все исправить сразу же на месте, как в его прошлой жизни.

Он пытался сдержать себя, его горло онемело: "Это не больно, не нервничай."

Он нежно держал ее голову, глядя не в глаза, а на блестящие губы.

Его глаза горели от вожделения.

Но в этот момент он почувствовал, что по всему телу поднялся пронизывающий до костей холод, который гасил пламя желания, пока не осталось ни искры.

Линь Сяоча сделал несколько шагов назад.

"Сянь, Сяньцзюнь?"

Шан Юань вздернул брови и убрал руку с головы Линь Сяоча. В мгновение ока он увидел перед собой холодного человека.

Шан Юань вдруг почувствовал холод в груди. Трудно было представить, что он молча стоял позади него, даже его духовная сила была скрыта.

Если бы он захотел напасть на него, то одно движение могло бы стать смертельным.

Неужели такова сила меча горы Тяньюй?

Холодные глаза, похожие на звезды, холодно смотрели на них.

Сердце Линь Сяоча дрогнуло, но ее лицо не изменилось, когда она поприветствовала его: "Здравствуй, Сяньцзюнь! Ты так скоро вернулся?"

Хань Юй проигнорировал ее и направил свой взгляд на Шан Юаня.

Он не произнес ни слова, но от его взгляда люди начинали задыхаться.

Шан Юань необъяснимо почувствовал в безразличном взгляде Хань Юя следы собственнических чувств к У'эр.

Это сделало Шан Юаня крайне несчастным. У'эр не имела ничего общего с другими людьми ни в его прошлой, ни в настоящей жизни.

Он подумал так в своем сердце, и с каплевидной улыбкой на лице сказал: "Дядя учитель, госпожа Линь уже семь дней находится на горе Тяньюй, и, кажется, она еще не выбрала себе учителя."

Хань Юй даже не взглянул на Шан Юаня. Его голос был холоден как лед: "Какое отношение это имеет к тебе?".

Уголок рта Шан Юаня дернулся.

Как говорится, нельзя бить улыбающегося человека. Шан Юань не ожидал, что Хань Юй не подаст ему никакого вида. К тому же он все еще стоял перед Линь Сяоча.

Он не мог не чувствовать себя отвратительно, и улыбка на его лице застыла.

В его сердце поселился враждебный дух, а голос стал очень жестким: "Шан Юань просто почувствовал, что подход второго старейшины немного выходит за рамки правил горы Тяньюй".

Хань Юй перевел взгляд на лицо Шан Юаня и холодно выплюнул слово: "Самонадеянно."

В мгновение ока духовная сила, скрытая в его теле, внезапно взорвалась, образовав невидимую руку, которая надавила на плечо Шан Юаня и заставила его опуститься на колени.

"Не твоя очередь беспокоиться о делах этого господина".

Шан Юань с пыхтением опустился на колени, весь вспотел, но не мог встать, как ни старался.

Виновница происшествия, Линь Сяоча, отчаянно терла глаза, словно не видела этой неловкой сцены.

Она впервые услышала, как Хань Юй назвал себя "Этот господин".

Линь Сяоча услышала в его тоне нотки гнева.

Она умела искать преимущества и избегать недостатков. Сейчас она не хотела разворошить этот улей.

Кроме того, Шан Юань был очень сильным человеком в оригинальном романе. Поэтому сейчас не было бы так бесстыдно, если бы она притворилась, что ничего не заметила.

Глядя на Линь Сяоча, которая продолжала тереть глаза, острый взгляд Хань Юя постепенно

стал спокойным. Он потянул духовную силу, которая давила на плечи Шан Юаня.

Шан Юань весь чесался от ненависти, но он не смел легко ошибиться, учитывая разницу в их силе.

"Спасибо, Второй Старейшина." Он встал, поприветствовал Хань Юя и посмотрел на Линь Сяоча, которая все еще терла глаза.

Он стиснул зубы и ушел на своем волшебном мече.

После ухода Шан Юаня Хань Юй со спокойным лицом медленно, шаг за шагом приближался к Линь Сяоча.

Хотя Линь Сяоча не могла видеть, но, почувствовав запах кедра на его теле, она немного отступила.

Когда она отступила на несколько шагов, ее каблуки случайно наступили на корни деревьев, торчащие из земли, и она с тихим криком упала назад.

Хань Юй протянул свои длинные руки и обнял ее за талию.

Мягкая и стройная талия заставила его брови дернуться, а сердце подпрыгнуло.

Но выражение его лица по-прежнему было грозным. Его глаза холодно наблюдали за тем, как Линь Сяоча отступил на полпути назад.

Они оказались в патовой ситуации.

Его руки были длинными и сильными. Линь Сяоча не беспокоилась, что он не может удержать ее, но она чувствовала себя очень неудобно в этой позе, и это не очень хорошо для ее позвоночника.

Наконец, она опустила руку, показав пару красных натертых глаз. Она слабо сказала: "Сяньцзюнь~ В мои глаза попало немного песка~".

А красивое и холодное лицо над ней, казалось, сдерживало гнев.

Видя, что он молчит, Линь Сяоча снова заговорила: "Но я только что натерла глаза~ Ты видишь, что мои глаза опухли? Это уродливо?"

Хань Юй не знал, почему он почувствовал прилив тепла в теле, когда оказался рядом с ней. Он чувствовал, что ее маленькое тело кажется ему очень знакомым, и ему казалось, что он забыл что-то важное, но он не мог вспомнить.

При мысли о том, что Шан Юань был так близко к ней, в его груди вспыхнул гнев.

Она всегда привлекала пчел и бабочек. Он знал причины появления Фэн Цзыин и Цзинь Чжифэна, но что случилось с Шан Юанем?

Шан Юань всегда был достаточно мудр, чтобы защитить себя, так почему же он продолжал заступаться за нее?

"Как давно вы познакомились с Шан Юанем?"

Линь Сяоча: "А? В тот день, когда я поднялась на гору~ Сяньцзюнь, почему ты спрашиваешь об этом?"

Хань Юй, казалось, был неудовлетворен таким ответом. "Тогда почему он неоднократно искал тебя?"

Линь Сяоча опечалился и сказал: "Сяоча не знает~".

Меня обидели~

Я действительно не знаю. Клянусь, я не провоцировала Шан Юаня.

Возможно, его просто привлекла моя красота. Не вините меня за мою внешность, верно?

Хань Юй не ответил. Он вспомнил, что Цин Ранцзюнь говорил, что влюбился в Фею Мяоинь с первого взгляда. Может ли быть то же самое с Шан Юанем?

А что Линь Сяоча чувствовала к Шан Юаню?

"Что ты думаешь о Шан Юане?" Проговорив это, он тут же пожалел об этом. Он с небольшим усилием помог ей встать прямо, затем повернулся и оставил ее одну.

От высокой и одинокой фигуры исходила аура, к которой невозможно приблизиться.

Линь Сяоча вздохнула с облегчением.

Она посмотрела на карту входа и выхода с Туманного Пика, которую дал ей Шан Юань. Она ходила и думала, как убедить Хань Юя отпустить себя.

Хань Юй должен был влюбиться в нее, ведь он был таким собственником.

Как и другие девушки, отказавшие своему преследователю, она должна была твердо сказать ему: "Это абсолютно невозможно для нас!". Просто чтобы он сдался.

Да, именно так.

Она все равно была его спасительницей. Даже если бы ее не было с ним, он никогда по-настоящему не угрожал бы ее яйцу.

Предпосылкой было то, что он не мог вспомнить, что произошло той ночью.

В противном случае...

Она чувствовала, что последствия были невообразимыми.

В это время пришел Сянмин с корзиной.

На всякий случай она подошла к нему и уточнила, слышал ли он что-нибудь той ночью семь дней назад.

В ту ночь у нее охрипло горло, прежде чем он отпустил ее.

Слышал ли Сянмин вообще? Разве эта марионетка не помогала своему хозяину дежурить ночью?

Сянмин: "Сяоча, сколько раз ты уже спрашивала? В ту ночь никто не проходил через грозное бедствие, и не спускалась воля Неба. Что ты слышала?"

Линь Сяоча придержала юбку: "Это... например... странный плач?"

Сянмин был похож на Хань Юя. Не лицом, а выражением лица. У него было невозмутимое лицо, которое всегда было спокойным. "Я не могу плакать, а Сянцзюнь тем более не может. Только ты можешь плакать на всей вершине Шанхай. Ты плакала?"

"Да, я плакала". Линь Сяоча ответил: "В ту ночь я немного грустила по дому".

Линь Сяоча заметила в корзине Сянмина красивую хрустальную шкатулку.

"Что это?" Она такая красивая.

"Я не знаю. Хань Юй только что выбросил ее. Я собираюсь использовать ее для удобрения цветов".

Линь Сяоча вытащил коробку из его корзины.

Она была похожа на коробку с пирожными. Хотя она была немного разбита, но все еще можно было разглядеть некогда изысканный узор.

Линь Сяоча никогда не видела таких изысканных пирожных в наше время. Однако за два года баловства в городе Банься она знала, что такая закуска не из страны Чжу Юнь. Это должно быть чрезвычайно редкое явление.

Более того, эти закуски были упакованы в хрустальную коробку, что говорит об их высокой ценности.

Сянмин сказал, что Хань Юй выбросил ее?

Но они с Сянмином ничего не едят.

Единственная возможная причина - он принес это для нее, но она закрутила интрижку с Шан Юанем и была поймана им на месте преступления. Он был так зол, что выкинул ее.

Погодите-ка, что она имела в виду под интрижкой?

Забудь об этом. Это неважно.

Линь Сяоча подумала о настроении Хань Юя в то время и почувствовала, что оно было немного невыносимым.

Она уже испытывала подобное чувство, когда отдавала свое сердце другим, но была жестоко отвергнута.

В День матери в начальной школе она купила шарф для своей матери на деньги, которые долгое время копила на обед. Однако она была избита. Мать сказала, что она тратит деньги без разбора.

Она улыбнулась Сянмину и сказала: "Жалко использовать это как удобрение для цветов. Просто отдай его мне".

В учебной комнате пика Шанхай.

Хань Юй писал за столом, не обращая внимания на вошедшую Линь Сяоча.

Она нахально подошла к столу, заложив руки за спину, и воскликнула: "Каллиграфия Сяньцзюнь шикарна и свободна, без всякой вычурности. Твой почерк действительно хорош".

Хань Юй полностью проигнорировал её. Он просто опустил голову и продолжил писать.

Линь Сяоча поставил хрустальную шкатулку в угол стола.

Хань Юй взглянул на шкатулку, его выражение лица стало еще холоднее.

Линь Сяоча осторожно открыла шкатулку, словно не замечая его недовольства.

"Сяньцзюнь~ Ты даришь это мне?"

Запястье Хань Юя танцевало с ручкой, ожидая, когда она заговорит с ним.

"Тогда я попробую его. Ха~ Боже мой~ это так вкусно~" похвалила она.

"Сяньцзюнь~ Сяньцзюнь~ Это вкусно~". Она подошла с куском теста, "Попробуй~".

После этого она встала на цыпочки и подняла руки, чтобы поднести кусок пирога к его рту.

Хань Юй посмотрел на нее и легкомысленно сказал: "Нет".

Линь Сяоча: "Хорошо~ Хорошо~ Я поменяю тебе кусочек~ Этот сломан и выглядит не очень хорошо~ Я выберу другой, который выглядит хорошо~".

Затем она положила половину пирожного в рот.

Хань Юй смотрел на ее блестящий маленький рот, и его брови подергивались. Необъяснимое тепло снова поднялось вверх.

Линь Сяоча взяла еще один кусок торта с белым нефритовым кремом и поднесла его ко рту Хань Юя: "Вот, вот. Этот полностью сохранил форму. Видишь, снежный лотос из айсберга, белый и безупречный, просто создан для тебя".

Хань Юй почувствовал, что она действительно способна перемалывать людей. Он действительно не мог ни смеяться, ни плакать.

"Не буду есть". Он все еще говорил легко, но его тон значительно смягчился.

Она не стала отчаиваться: "Тогда я выберу другой кусок~ Ты подожди~".

И она положила кусок торта в форме снежного лотоса в рот.

Маленький кусочек молочного пирожного показался ей слишком большим. Она не могла доесть его за один раз, поэтому могла только продолжать выбирать кондитерские изделия в коробке с набитым ртом.

Если посмотреть на ее маленькие губы, то они казались еще более румяными на фоне белого теста.

Адамово яблоко Хань Юя снова зашевелилось, и он инстинктивно наклонился вниз.

Линь Сяоча посмотрела на пирожные, которые были в основном сломаны, и почувствовала некоторое сожаление. Когда она продолжала нащупывать пальцами относительно целое пирожное, перед ее глазами появилась тень.

Прежде чем она успела отреагировать, красивое лицо приблизилось и укусило молочное пирожное, которое она держала во рту.

С сердцем, почти выбивающимся из груди, она смотрела на мужчину широко раскрытыми глазами.

Мужчина был все таким же, как и в тот вечер. Он совершал возмутительные поступки, но выглядел холодным и святым.

Ее сердце внезапно заколотилось, а лицо покраснело.

Хань Юй посмотрел на ее застенчивость и прислушался к биению ее сердца. Туча в его сердце мгновенно исчезла.

Он посмотрел на нее и встал.

Он слабо сказал: "Я уже поел. Больше не нужно выбирать".

Затем, как ни в чем не бывало, он взял ручку и продолжил писать на бумаге.

Линь Сяоча застыл на месте.

Нет, нет, это не то, чего она хотела. Она хотела прояснить их отношения!

Внезапно она вспомнила, как ее оценила соседка по комнате: стерва, которая хочет отказать, но на всем теле у нее знак приветствия.

Ее мозг загудел.

Ни за что! Ни за что!

Если так пойдет и дальше, она будет все дальше и дальше от своих 100 миллионов!

Она хотела дать ему это понять!

Прояснить это сейчас!

Мы невозможны! Я иду на Туманный Пик!

Как только она собралась говорить, она услышала слова Хань Юя: "Когда ты пойдешь на Туманный Пик, ты можешь поехать на моем журавле".

<http://tl.rulate.ru/book/57527/1692913>